

**Протокол № 9**  
**заседания Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга**  
**04 июля 2017 г.**

Заседание Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее — АП СПб) проходит по адресу: Санкт-Петербург, пр. Невский, д. 53, с 14:00 час. до 18:00 час.

Присутствовали:

Председательствующий, президент  
— Семеняко Е.В.

Члены Совета, вице-президенты АП СПб

— Тенишев В.Ш.  
— Панова В.С.  
— Тимофеева Т.В.  
— Новолодский Ю.М.  
— Семеняко М.Е.

Члены Совета АП СПб:

— Голубок С.А.  
— Грузд Б.Б.  
— Жирнова Н.Н.  
— Краузе С.В.  
— Качкин Д.В.  
— Меркулова Ю.С.  
— Савич А.С.  
— Филиппов Н.А.  
— Туманова И.В.

Секретарь Совета АП СПб:

— Царева Ю.В.

*Извлечение*

3. Слушали:

О дисциплинарном производстве в отношении адвокатов АП СПб.

Выступили:

Заместитель председателя Квалификационной комиссии АП СПб Шутилкин Ю.Я., члены Совета АП СПб

Докладываем о решениях, принятых Квалификационной комиссией АП СПб по каждому дисциплинарному производству.

**3.9. Дисциплинарное производство в отношении адвокатов Д. (регистрационный № 000) и К. (регистрационный № 111)**

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, рассмотрев материалы дисциплинарного производства, возбужденного 11 апреля 2017 года президентом Адвокатской палаты СПб Семеняко Е.В. в отношении адвоката Адвокатской палаты Санкт-Петербурга Д. (регистрационный № 000) осуществляющего адвокатскую деятельность в АК-00 Санкт-

Петербургской городской коллегии адвокатов, и адвоката К. (регистрационный № 111) осуществляющего адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро 999, установил:

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвокатов Д. и К. послужило представление начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу (далее – ГУ МЮ), поступившее в Адвокатскую палату Санкт-Петербурга 21.03.2017.

**Из представления следует,** что 2-ым следственным управлением (с дислокацией в Санкт-Петербурге) Главного следственного управления Следственного комитета РФ расследуется уголовное дело в отношении обвиняемых И. А.И., Г. Д.М. и Ф. Защиту обвиняемого Г. Д.М. осуществляет адвокат Д. а обвиняемого И. А.И. – адвокат К. Обвиняемые находятся под стражей.

30.12.2016 руководителем следственной группы адвокат Д. был уведомлен о необходимости явки в ФКУ СИЗО-1 10.01.2017, 11.01.2017, 12.01.2017, 13.01.2017, 16.01.2017, 17.01.2017, 18.01.2017 для участия в следственных и процессуальных действиях с Г. Д.М., путем направления уведомления посредством факсимильной связи в АК № 14 СПбГКА, путем направления копии уведомления в программе обмена сообщениями «Viber», а также посредством телефонограммы. Адвокат Д. сообщил, что в указанные даты будет находиться в Санкт-Петербурге, о переносе запланированных следственных и процессуальных действий не ходатайствовал.

09.01.2017 адвокат Д. по собственной инициативе прибыл в следственное управление, получил копии процессуальных документов, а также уведомление о том, что 10.01.2017 в 15:00 Г. Д.М. будет предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.201 УК РФ. Адвокат Д. сообщил о своем намерении прибыть в СИЗО-1 для участия в следственных действиях, запланированных на 10.01.2017, о переносе следственных и процессуальных действий не ходатайствовал.

10.01.2017 за 1,5 часа до начала производства следственных действий адвокат Д. телефонограммой довел до сведения следователя, что он не может явиться в СИЗО-1 10.01.2017 в связи с болезнью, ожидает прихода врача, длительность нахождения на больничном ему не известна.

10, 11, 12, 13.01.2017 адвокат Д. в СИЗО-1 не являлся, копию больничного листа не представил.

17 и 18.01.2017 адвокат Д. в СИЗО-1 для производства следственных действий с Г. Д.М. не явился.

В связи с неявкой адвоката Д. 17.01.2017 обвиняемому Г. Д.М. назначен защитник в порядке ст.ст.50-51 УПК РФ, 17.01.2017 с Г. Д.М. и назначенным ему защитником выполнены требования ст.215 УПК РФ и начато выполнение требований ст.217 УПК РФ.

30.12.2016 руководителем следственной группы адвокат К. был уведомлен о необходимости явки в СИЗО-1 10.01.2017, 11.01.2017, 12.01.2017, 13.01.2017, 16.01.2017, 17.01.2017, 18.01.2017 для участия в следственных и процессуальных действиях с И. А.И. путем направления копии уведомления в программе обмена сообщениями «Viber», а также посредством телефонограммы. Адвокат К. сообщил, что возможно сможет явиться в указанные дни, о переносе запланированных следственных и процессуальных действий не ходатайствовал.

10, 11, 12.01.2017 адвокат К. в СИЗО-1 не являлся, причин своей неявки не сообщил.

13.01.2017 адвокат К. явился в СИЗО-1, и И. А.И. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.159 УК РФ, мера пресечения оставлена без изменения.

17 и 18.01.2017 адвокат К. в СИЗО-1 для производства следственных действий с И. А.И. не

явился.

В связи с неявкой адвоката К. 17.01.2017 обвиняемому И. А.И. назначен защитник в порядке ст.ст.50-51 УПК РФ, 17.01.2017 с И. А.И. и назначенным ему защитником выполнены требования ст.215 УПК РФ и начато выполнение требований ст.217 УПК РФ.

Пункт 1 ст.14 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – Кодекс) обязывает адвоката при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий.

«Изложенное неопровержимо свидетельствует о стремлении стороны защиты в лице адвокатов Д. и К. умышленно затянуть проведение процессуальных действий с обвиняемыми Г. Д.М. и И. А.И. путем неявки и предоставления органам следствия не соответствующих действительности сведений о болезни адвоката Д. с целью неправомерного освобождения обвиняемых из-под стражи путем нарушения требований ч.5 ст.109 УПК РФ».

Таким образом, усматривая в действиях адвокатов признаки нарушения норм УПК РФ, а также требования подп. 1, 2, 4 п.1 ст.7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон), предусматривающих честность, разумность и добросовестность при отстаивании прав и законных интересов доверителей, в соответствии с п.7 ст.17 Закона, в представлении ставится вопрос о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвокатов Д. и К.

К представлению приложены: сопроводительное письмо СУ ГСУ СК РФ от 22.02.2017, копия материалов уголовного дела в 1 томе на 263 листах.

**Из объяснений адвоката Д. следует,** что он осуществляет защиту Г. Д.М. на предварительном следствии с декабря 2015 г.

В августе 2016 г. он с подзащитным приступили к ознакомлению с материалами дела и столкнулись с явным затягиванием данной процедуры со стороны следствия, на что адвокаты и обвиняемые неоднократно жаловались. В том числе жаловались в прокуратуру и на многочисленные недостатки в предъявленном обвинении.

30.12.2016 дело было отправлено прокурором на дополнительное расследование. В тот же день адвокат Д. получил от следователя уведомление о необходимости его участия в следственных действиях в последующие после праздников рабочие дни.

09.01.2017 адвокат Д. явился в ГСУ СК для ознакомления с материалами, поступившими из прокуратуры и был уведомлен о желании следствия на следующий день проводить следственные действия с кем-нибудь из трех обвиняемых. Адвокат Д. пожаловался следователю на свое плохое самочувствие, и они со следователем договорились, что завтра созвонятся, и в случае болезни Д. следователь будет проводить следственные действия с другим обвиняемым.

На следующий день адвокат чувствовал себя плохо (давление 200/120), о чем он уведомил следователя, и они договорились встретиться 13 или 16.01.2017, о чем она уведомит адвоката дополнительно.

10.01.2017 вызванный адвокатом врач выписал ему больничный лист, который был закрыт только 19.01.2017. Тем не менее, понимая необходимость присутствовать при проведения следственных действий с его подзащитным, 16.01.2017 по приглашению следователя адвокат явился в ГСУ СК РФ, где участвовал в следственных действиях с 11:00 до 22:20, когда по требованию Г. (не получавшего пищи с утра) и просьбе адвоката (давление 205/120 отмечено

в протоколе), следственные действия отложены до 14:00 17.01.2017 в СИЗО-1.

С учетом состояния здоровья и не желая препятствовать расследованию, адвокат договорился с коллегой – адвокатом Г. А.Ю., чтобы он подменил его на следственных действиях 17.01.2017. Вечером 16.01.2017 адвокат Г. заключил с женой Г. соглашение на защиту ее мужа и утром 17.01.2017 в СИЗО получил согласие на это самого Г. Адвокат Д. в свою очередь, утром отправил курьера в ГСУ СК с ходатайством о замене его адвокатом Г. А.Ю.

Однако, следователь М. не уведомив адвокатов Д. и К. вместо продолжения допросов решила выполнить с обвиняемыми требования ст.215 УПК РФ и начать выполнять требования ст.217 УПК РФ, для чего вызвала обвиняемым адвокатов в порядке ст.50 УПК РФ.

При этом следователь игнорировала устное и письменное ходатайства Г. Д.М. допустить к участию в деле ожидающего «за дверью» адвоката Г. А.Ю., с которым у него заключено соглашение.

В последующем следствие, несмотря на многочисленные жалобы защиты и обвиняемых на нарушение разумных сроков осуществления повторной процедуры ознакомления с материалами дела, с которыми обвиняемые были готовы ознакомиться за несколько часов, растянуло данную процедуру на два месяца, закончив исполнять требования ст.217 УПК РФ 13.03.2017 и отправив дело в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения 25.03.2017.

К объяснениям приложены: копия больничного листа, ходатайства адвоката Д. и обвиняемого Г. о допуске адвоката Г. на время болезни адвоката Д.

Из объяснений адвоката К. следует, что с 09.10.2015 он оказывает квалифицированную юридическую помощь И. А.И. в уголовном деле, расследование которого осуществляет группа следователей СУ ГСУ СК РФ во главе со следователем М. С.В.

В течение всего периода работы по делу поддерживал контакты со всеми следователями группы, с которыми постоянно регулярно согласовывались необходимые следственные действия.

Получив по «Viber» 30.12.2016 в 13:17 уведомление о предстоящих следственных действиях 10, 11, 12, 13, 16, 17 и 18.01.2017, адвокат 10.01.2017 позвонил следователю М. поздравил ее и всю бригаду следователей с Новым Годом и, поскольку его явка во все указанные в уведомлении дни не была необходимой, согласовал с ней конкретную дату его явки на следственные действия в СИЗО-1 – 13.01.2017. А также адвокат сообщил ей свой график участия в иных делах, которые были назначены ранее (до 13:00 30.12.2016) и требовали его присутствия (указывает дела и суды, в которых участвует 10, 11, 12.01.2017).

13.01.2017 в СИЗО-1 со следователем М. С.В. и в присутствии следователя Г.Э.Ю. были проведены процессуальные действия с обвиняемым И. А.И. и была согласована дата следующего производства следственных действий – на вторую половину дня 16.01.2017 Следователь извещен о том, что 17 и 18.01.2017 адвокат занят в 13-ом Арбитражном и Ломоносовском городском судах.

16.01.2017, начиная с 12:00, адвокат неоднократно связывался с М. С.В., согласовывая время его прибытия на следственные действия, и был уведомлен ею, что с 10:15 минут ведутся процессуальные действия с обвиняемым Г. и адвокатом Д. поэтому график других следственных действий сдвигается.

В 17:25 минут адвокат прибыл на ул. Торжковскую, д. 4, где производились следственные действия, и вместе с женой И. ожидающей вызова с утра, пробыл там до 22:20 минут, не имея контактов ни с М. ни с другими следователями.

17 и 18.01.2017 адвокат на следственные действия не вызывался, так как еще 13.01.2017

уведомил следователя о своей занятости в эти дни и уведомления о предстоящих следственных действиях в эти дни не получал.

19.01.2017, знакомясь с материалами дела, представленными следователем М. в Санкт-Петербургский городской суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей, адвокат узнал, что уведомление о предстоящих 17 и 18.01.2017 следственных действиях с обвиняемым И. было направлено адвокату К. 18.01.2017, а в требовании на вызов И. в следственные кабинеты 17 и 18.01.2017 уже был указан адвокат по назначению В. Все указанные нарушения прав обвиняемого И. были зафиксированы в протоколах судебных заседаний Санкт-Петербургского городского суда 19.01.2017, 14.02.2017 и жалобах И. на действия следователей, что, по-видимому, и послужило причиной обращения следствия в ГУ МЮ РФ с просьбой инициировать дисциплинарное производство в отношении адвокатов. К объяснениям приложены копии протоколов судебных заседаний, объяснений И. его жалоб, ответов на жалобы и т.п. на 60 листах, и флэшка с детализацией телефонных переговоров адвоката со следователями с 30.12.2016 по 01.02.2017.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, Комиссия установила следующие фактические обстоятельства:

2-ым следственным управлением Главного следственного управления СК РФ расследуется уголовное дело в отношении обвиняемых И. А.И., Г. Д.М. и Ф. Защиту обвиняемого Г. Д.М. осуществляет адвокат Д., а обвиняемого И. А.И. – адвокат К. Обвиняемые находятся под стражей.

30.12.2016 следователем ГСУ СК РФ М. С.В. направлено уведомление адвокатам Д. и К. о том, что 10.01.2017 в 15:00 их подзащитным в СИЗО-1 (СПб, Арсенальная наб., д. 7) будет предъявлено обвинение по уголовному делу. 11.01, 12.01, 13.01, 16.01, 17.01 и 18.01.2017 им же необходимо явиться по тому же адресу для производства следственных действий. Аналогичное по содержанию уведомление направлено Ш. Е.А. При этом Комиссия обращает внимание на то, что все три адвоката вызваны на одно и то же время, хотя одновременное предъявления обвинения, учитывая его объем, физически исключено. По остальным датам, указанным в «уведомлениях» вообще отсутствует указание на время проведения следственных действий.

Указанные обстоятельства подтверждают объяснения адвокатов относительно того, что уведомление носило «общий» характер и требовало последующего персонального согласования конкретных дат, времени дня и места совершения следственных действий. Об этом же свидетельствуют и иные уведомления, направленные конкретным адвокатам уже на конкретные даты. Так, Д. был отдельно уведомлен о следственных действиях 16 января 2017 года, а К. был приглашен на 13.01.2017, но не в СИЗО-1, а в помещение ГСУ СК, расположенном на ул. Торжковской.

В связи с этим, утверждение, содержащееся в Представлении, о том, что еще 30.12.2016 адвокаты надлежащим образом были уведомлены следствием о проведении следственных действий в период с 10 по 18 января 2017 года, но не явились без уважительной причины, не выдерживает критики. Более того, по словам адвокатов, не доверяя которым у Комиссии нет оснований, 16 января 2017 года все три адвоката вновь были приглашены в одно и то же время в одно и то же помещение. В результате следственные действия проводились лишь с подследственным Г. и адвокатом Д. в течение всего дня до позднего вечера (22:30), а два других адвоката вместе с подзащитными так и не дождались своей очереди.

Обращает на себя внимание и то, что уведомление о следственных действиях 10.01.2017 вручено адвокату Д. лишь накануне, то есть, 09.01.2017, а 10.01.2017 ему же вновь

направлено уведомление на 10.01.2017. Уведомление на 16.01.2017 вручено адвокату в этот же день.

Уведомление о следственных действиях 13.01.2017 вручено адвокату К. в тот же день, то есть, 13.01.2017 Уведомления о следственных действиях 17 и 18 января направлены адвокатам Д. и К. уже после проведения этих действий с участием других адвокатов. Все это, по мнению Комиссии, свидетельствует либо о плохой организации работы следователя, либо о попытке ввести в заблуждение тех, кто так или иначе заинтересован в своевременном расследовании уголовного дела. Об этом же говорит замалчивание, а затем и искажение следователем информации о том, что в период с 10 по 19 января 2017 года адвокат Д. был нетрудоспособен, что подтверждается копией больничного листа.

Таким образом, отсутствуют доказательства того, что адвокаты в этом уголовном деле в указанный в Представлении период уведомлялись о проведении следственных действий своевременно и надлежащим образом. Также нет оснований утверждать и «о стремлении стороны защиты в лице адвокатов Д. и К. умышленно затянуть проведение процессуальных действий с обвиняемыми Г. Д.М. и И. А.И. путем неявки и предоставления органам следствия не соответствующих действительности сведений о болезни адвоката Д. с целью неправомерного освобождения обвиняемых из-под стражи путем нарушения требований ч.5 ст.109 УПК РФ».

На основании изложенного и руководствуясь пп.2 п.9 ст.23 Кодекса, Комиссия пришла к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвокатов Д. и К. в связи с отсутствием в их действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката.

На заседание Совета АП СПб адвокаты Д. и К. явились, заявления в письменном виде о несогласии с заключением Квалификационной комиссии АП СПб не представили.

Оценивая обстоятельства дисциплинарного производства, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвокатов Д. (регистрационный № 000) и К. (регистрационный № 111) вследствие отсутствия в их действиях нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса.

Других предложений не поступило.  
Ставится вопрос на голосование:

«За» - 15  
«Против» - нет  
«Воздержались» - нет

Руководствуясь требованиями п. 8 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, на основании подп.9 п.3 ст.31 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга решил:

**прекратить дисциплинарное производство в отношении адвокатов Д. (регистрационный № 000) и К. (регистрационный № 111) на основании подп.2 п.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.**

Председательствующий,  
Президент АП СПб Е.В. Семеняко

Секретарь Совета АП СПб

Ю.В. Царева